Перевод:

⟨Лондон.⟩ 24 июля 1864 г.

Любезный и почтенный друг,

Несколько слов, сказанных вами г. Громору [1], и желание иметь мой портрет показывают мне, что вы меня не забыли... и, более того, что вы ничего против меня не имеете — несмотря на то, что не все основополагающие взгляды ваших последних публикаций приняты мною [2]. Но вот я встречаюсь с человеком, весьма выдающимся, одним из друзей моей юности — но действующим на поприще, противоположном моему. Ему хочется получить несколько рекомендательных слов к вам; он восхищается именно тем, чем я не восхищаюсь в вашей брошюре о Польше [3].

Ю. Самарин сыграл весьма большую роль в освобождении крестьян в России. Он играет большую роль — теперь, человек очень умный и глубоко образованный — занимающий высокое положение в обществе,— он может рассказать вам тысячи замечательных вещей — включая и все то, что он имеет против нашей пропаганды.

Примите же его с той же благожелательностью, с какой приняли гр. Толстого, и думайте иногда о вашем старом друге

Ал. Герцене

Письмо написано на бланке «Royal Hotel. Chatham Place, Blackfriars Bridge, London. P. de Keyser».

[1] *А. Громор* — парижский переводчик и издатель.

[2] См. предыдущие письма. Герцен мог иметь в виду и новые брошюры Прудона «La fédération et unité d'Italie» (P., 1862) и «Actes du futur congrès» (P., 1863). В 1865 г. вышла новая брошюра Прудона — «Unité italienne. Nouvelles observations sur l'unité italienne», в которой он много места уделил Австрии и ее отношениям с Италией. Что касается книги «De la justice...», то Герцен резко осудил ее еще в 1859 г., после ознакомления с первым изданием (см. X, 196—201).

[3] Юрий Федорович *Самарин* (1819—1876), с которым Герцен встречался и спорил в Лондоне,— «Робеспьер монархии» (XXVII, 498), адресат герценовских «Писем к противнику» (XVIII, 274—296). Говоря о «брошюре» Прудона, Герцен, вероятно, имел в виду его сочинение «Si les traités de 1815 ont cessé d'exister. Actes du futur congrès» (P., 1863)— глава шестая озаглавлена «Польский вопрос» (p. 65—100) — или же книжку «La guerre et la paix», вышедшую в Париже и Брюсселе в 1861 г. В «Общем заключении» к ней Прудон наряду с другими проблемами затрагивает и польский вопрос. Там встречаются следующие строки: «Что потерял весь мир, позволив погубить Польшу? Существует ли польская идея? Польша, как всегда, может предложить миру лишь свой католицизм и свое дворянство» (t. I, p. 413).

Не исключено, что Герцен имел в виду и следующие строки из 2-го издания книги Прудона «De la justice...» (1861): «В Варшаве, в Литве, в герцогстве Познанском происходят волнения. Польша, подобно Италии, желает возродиться. В ее ли это силах? Обладает ли она идеей, которая заставит ее жить? ⟨...⟩ По какому праву, на каком основании, ради какой цели думает она вернуться к жизни? ⟨...⟩ Продолжайте же спать, поляки, раз вы способны быть лишь золотой серединой...» («Лит. наследство», т. 39-40, с. 287).

Через три дня, 27 июля, Герцен просил С. Тхоржевского переслать Громору выбитую в честь десятилетия Вольной русской типографии медаль «для передачи Прудону с величайшим респектом» (XXVII, 496). Не получая отклика ни от Громора, ни от Прудона, Герцен в письме к Самарину от 17 августа просил не забыть при поклоне Прудону осведомиться насчет этой медали (см. XXVII, 506).

Самарин не встретился с Прудоном и поручение Герцена выполнил письменно (см. письмо Прудона к Самарину от 3 ноября 1864 г.— *Л.*, XVII, 336—337).

Ж. МИШЛЕ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Ланского

Герцен познакомился с Жюлем *Мишле* (1798—1874) в июне 1851 г. Сочинения знаменитого историка были ему известны еще со студенческих лет, а в 1847 г. он, вероятно, успел прослушать и несколько публичных лекций Мишле в парижском Collège de France (см. V, 81, 312). Знакомство их вскоре перешло в дружбу, продолжавшуюся до смерти Герцена, и можно с уверенностью сказать, что более пылкого и искреннего почитателя, чем Мишле, у Герцена среди «горных вершин» западного мира никогда не было. Своего прославленного друга Герцен ценил не только как красноречивого историка-художника, республиканца и антиклерикала, но и как гуманиста, наделенного юношеской живостью чувств и сердечной теплотой.

Публикуемые письма Мишле относятся преимущественно к первым месяцам их знакомства и тесно связаны двумя брошюрами Герцена: «Du développement des idées revolutionnaires en

Russie» и «Le peuple russe et le socialisme» (вторая была написана в виде открытого письма к Мишле), а также с мемуарно-биографическим очерком Герцена «Michel Bakounine».

Первую из этих брошюр Герцен лично преподнес Мишле летом 1851 г., во время продолжительных бесед о России и ее исторических судьбах. Тема эта живо интересовала Мишле, работавшего тогда над очерками о взаимоотношениях России и Польши. По словам Герцена, его брошюра очень понравилась историку (XXIV, 187). Это подтверждается отзывами в статьях и письмах Мишле. Однако общая концепция «Du développement...» и разнообразный фактический материал, содержавшийся в брошюре, совершенно не отражены в первых тринадцати главах труда Мишле «Pologne et Russie. — Légende de Kosciuszko», печатавшегося с 28 августа 1851 г. в парижской газете «Evénement». Эта романтическая биография вождя польского восстания 1794 г. поражала крайней предвзятостью мнений и бьющей в глаза антирусской направленностью и свидетельствовала о поверхностном знании истории России и незнании ее народа (черта, характерная для всех западноевропейских демократов того времени) *. Мишле утверждал, например, что России вообще *нет*, что она лишь «фантасмагория, мираж, империя иллюзий». Он отрицал существование русской литературы и науки, а русским людям отказывал в нравственных достоинствах.

Эти суждения авторитетного ученого сильнейшим образом огорчали Герцена. «Я с глубоким прискорбием прочел ваши озлобленные слова,— писал он своему недавнему собеседнику.— Печальный, с тоскою в сердце, я, признаюсь, напрасно искал в них историка, философа и прежде всего любящего человека, которого мы все знаем и любим...» (VII, 312).

Герцен понимал, однако, что появление антирусского памфлета имело и положительную сторону, так как давало возможность для открытой полемики в международной печати и пропаганды собственных воззрений.

Брошюра «Le peuple russe et le socialisme», вероятно, уже была почти закончена Герценом, когда в Ниццу прибыли очередные номера «Evénement» с последними главами легенды Мишле о Костюшке. Вместо обычных оскорбительных выпадов против России он с изумлением обнаружил в этих главах сочувственные характеристики порабощенного русского народа, крепостного крестьянства, «героев-декабристов», П. Я. Чаадаева и М. А. Бакунина. Эта внезапная перемена взглядов, как пояснял сам Мишле, являлась прямым результатом влияния на него Герцена и его книги. Мишле подробно изложил французским читателям, предельно близко придерживаясь «Du développement...», историю появления в «Телескопе» «Философического письма» Чаадаева и к словам «под гробовой доской таится искра» сделал следующее красноречивое примечание о сочинении Герцена:

«Искра! Не в той ли она восхитительной брошюре, которая только что вышла в свет? Автор <. . .> пишет на нашем языке с героической мощью, которая раскрывает его анонимность и повсюду обнаруживает великого патриота! Я с изумлением читал и десять раз перечитывал эту книгу. Мне чудились в ней древние герои Севера, начертавшие беспощадным мечом приговор нашему жалкому миру... Увы! Это не только осуждение России, это осуждение Франции и Европы <...> Но пока в Европе есть такие люди, ничто еще не безнадежно».

Первым желанием Герцена после прочтения этих «преображенных» глав было, как он сам сообщил Мишле, бросить в огонь уже написанные полемические страницы. «Ваше теплое, благородное сердце не дождалось, чтобы кто-нибудь другой поднял голос в пользу непризнанного русского народа. Ваша любящая душа взяла верх над принятою вами ролей *неумолимого* судьи, мстителя за измученный польский народ»,— заявил он с благодарным чувством (VII, 334—335).

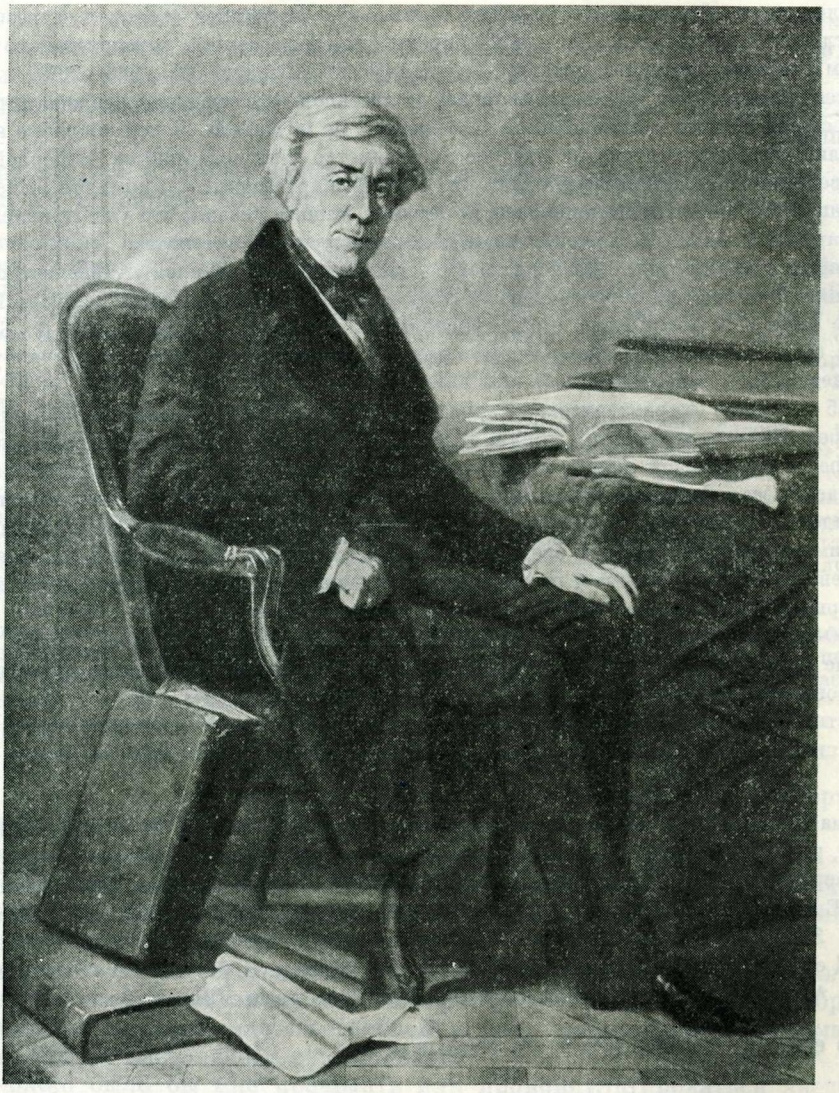
В начале октября Мишле писал Герцену:

«Милостивый государь, я был счастлив в своих польских и русских легендах выразить, хоть отчасти, свое глубокое уважение к вашему таланту и вашему характеру; я найду как-нибудь случай поговорить о вашей книге более обстоятельно *и по душе*.

Ни в коем случае не судите, прошу вас, эти легенды *по крайне неточной* публикации ее в одной из газет; я вскоре перепечатаю их отдельным томом и не премину их предложить вам очищенными от типографских ошибок и от нескольких своих. Я вычеркиваю, в частности, то, что несправедливо сурово сказал о русской литературе. Упрекаю себя за эти слова о прославленных патриотах, выдающаяся заслуга которых в том, что они приподняли своими головами этот ужа-

---

* Герцен писал впоследствии, что Мишле прежде понимал Россию «совершенно по-французски», т. е. «вовсе не понимал, бранил сплеча» (XII, 430).



ЖЮЛЬ МИШЛЕ
Портрет работы Т. Кутюра (масло)
Музей «Carnavalet», Париж

сающий ледяной свод и приоткрыли небольшую щель, дабы дать возможность хоть чуточку вздохнуть этому бедному погребенному народу.

Если, как мне сказали, вы собираетесь опубликовать замечания на эти легенды, то, каковы бы эти замечания ни были, я поблагодарил бы вас за эту высокую честь и приложил бы все свои силы, чтобы дать вашей критике самое большее распространение.

Узы, связывающие меня с вами, слишком прочны, поверьте, чтобы какие-нибудь потуги литературного тщеславия могли порвать их или ослабить.

Меня связывают с вами и общая вера, и общие дружеские отношения, Бакунин, все великие патриоты нашего времени, русские и польские.

Горячо приветствую вас. Ж. М и ш л е

Верна ли весть о смерти Бакунина?»

(«Revue», 1907, № 10, p. 150. Перевод значительно уточнен: ср. *Л* VI, 464—465).

«Мишле с величайшим беспристрастием принял мои замечания, требовал серьезных объяснений, согласился с ними, и все это с той искренностью и простотой, которая только принадлежит людям, страстно любящим истину»,— писал позднее Герцен (XII, 288—289).

С 27 сентября в газете «Evénement», вслед за легендой о Костюшко, началось печатание новой серии статей Мишле, озаглавленной «Les martyrs de la Russie». В ней подробно излагались и развивались взгляды Герцена на русское крестьянство и на декабристов. В первой же главе мы снова встречаем выразительную ссылку на «Du développement...». Упоминая о своей «легенде», посвященной жизни и деятельности Костюшко, Мишле указал, что уже привлек там внимание читателей к «этой героической книге великого русского патриота».

19 ноября в той же газете, выходившей под измененным названием «Avènement du Peuple», по настоянию Мишле была перепечатана (в сокращенной редакции) новая брошюра Герцена — «Le peuple russe et le socialisme». Во вступительной заметке к ней редактора К. Беррю Герцену дана была в высшей степени лестная оценка (она цитируется мною ниже, в публикации «Письмо незнакомки к Герцену»).

В 1855 г. Мишле охарактеризовал Герцена в открытом письме к издателю «Полярной звезды» как представителя «сознанной мысли» России, ее «древней, давно подавленной души» — и в то же время ее «молодой души», «пророчески сознающей будущее» (XII, 290).

Все касавшееся Герцена живо интересовало Мишле; он искренно делил с ним все его горести и радости. С восторгом отозвался Мишле на призыв Герцена поддержать своим влиянием и авторским участием «Полярную звезду», неутомимо хлопотал об издании в Париже французского перевода «Былого и дум» и редактировал этот перевод. Отзывы Мишле об этой «славной книге» Герцена представляют собой сплошной хвалебный гимн.

В 1860-х годах друзья время от времени встречались и переписывались. Герцен не раз читал Мишле свои новые сочинения, которые продолжали вызывать у чуткого слушателя самые экзальтированные оценки.

Известие о внезапной кончине русского друга потрясло Мишле. «Великое сердце перестало биться,— сказал он со слезами на глазах.— Это был человек, каких мало на земле» («Лит. наследство», т. 63, с. 531).

Письма печатаются по тексту журнала «Revue» (Париж), 1907, № 10 p. 151—153, 156, 157, 160; № 11, p. 312, 313, 316), где опубликованы впервые Г. Моно на языке оригинала. Частичный русский перевод п. 1, 3, 7 (в изложении или цитатах) опубликован М. О. Гершензоном (еще до Моно) в «Былом» (1907, № 4); п. 2, 4, 5, 6 — М. К. Лемке в *Л* VI, 465, 466, 531, 532; п. 9 — в *ЛЖГ* II, 321; письмо Мишле к А. А. Герцену (в приложении) печатается по книге: Jules Michelet. Légendes démocratiques du Nord. P., 1968, p. LVI, где опубликовано впервые М. Кадо. Автографы хранятся в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Перевод с французского:

1

21 октября 1851 г.[1]
Парижское предместье aux Thernes
rue Villiers, № 43

Будьте совершенно уверены, что если бы письмо не прошло, то это означало бы, что я там никаким влиянием не пользуюсь. Они нерешительны, робки, но все же поместят [2].

Я рассчитываю немножко поговорить в постскриптуме о нашем несчастливце! Особенно же сказать, что из него ничего не выжмешь, по той серьезнейшей причине, *что он ничего не знал.*

Всем известна была его откровенность, его открытый характер, его героическая несдержанность. Никто ему не решился бы что-либо доверить.

Эта ужасная весть пронзила мне сердце; мне отрадней было думать, что он умер. Насколько это лучше было бы, чем стать игрушкой для тигров...[3]

И все же, как знать?.. Не может ли случиться взрыв, удачное 14 декабря?

...И не в 1852 ли году, когда армии окажутся в походе, лицом к лицу с армиями революции? Это правдоподобнее теперь, чем дворцовый переворот.

Если бы вы могли сообщить мне, как достать какие-нибудь биографические сведения о Бакунине, вы крайне меня обязали бы; несколько дат... Я их использовал бы хоть в новом издании, которое вскоре вам пришлю [4].

От души приветствую вас.

Ж. Мишле

Правда ли, что в Ницце конфисковали брошюру Искандера? Если это верно, то можно ли сообщить об этом? [5]

[1] По-видимому, ответ на не дошедшее до нас письмо Герцена.

[2] Около 12 октября Герцен просил М. К. Рейхель сообщить Мишле через А. Бернацкого, что ему будет адресовано открытое письмо, которое Герцен хотел бы видеть в газете «Evénement» «с ответом или без» (XXIV, 202; см. вступительную заметку к настоящей публикации). Сокращенный перевод этого письма к Мишле, получившего название «Русский народ и социализм», появился 19 ноября в газете «Avènement du Peuple» (так стала называться после запрещения ее правительством газета «Evénement»). См. факсимильное воспроизведение начала и конца этой публикации в «Лит. наследстве» (т. 64, с. 241).

[3] Речь идет о М. А. Бакунине, выданном австрийскими властями царскому правительству. В конце своей «Легенды о Костюшке» Мишле обращался к Бакунину — «герою», «прославленному мученику <...>, погребенному с кандалами на ногах в одной из темниц России»: «О доблестное сердце, благородная натура, любящий друг Польши и Франции <...> Если случится, что моя книга проникнет через стены, за которыми вы заключены, пусть она скажет вам, что наши сердца полны вами, и что наши глаза полнятся слезами при мысли о вас, и что все чувствуют тяжесть ваших цепей...» О Бакунине в это время и позднее распространялись слухи, будто он является агентом русского правительства.

[4] См. следующие письма.

[5] Первое французское издание «Русского народа и социализма», напечатанное в Ницце (тогда итальянской), во время пересылки большей части тиража во Францию было перехвачено французской полицией в Марселе и, по-видимому, уничтожено. Сохранившаяся часть тиража имела хождение только в Пьемонте и Швейцарии (VII, 271).

2

<Париж.> 27 октября 1851 г.

Дорогой господин Герцен,

Вот вопрос, который для меня в настоящий момент всего важнее.

Мне говорили: «Император — освободитель крепостных не только в 1842 г., но и позднее, и совсем еще недавно он с угрозами настаивал на освобождении крепостных» [1].

Мне очень хотелось бы раздобыть точные факты для ответа. То немногое, что мне известно, указывает лишь, что император хочет серьезнейшим образом попугать дворян, держать над их головой угрозу галицийского погрома [2]. Да и могут ли они по-настоящему освобождать?

Где можно было бы мне прочитать или проконсультироваться насчет этого?

Историк Николая, Шницлер, останавливается, к сожалению, на 1842 годе [3].

Если у вас есть для меня какие-либо разъяснения, буду вам за них чрезвычайно признателен.

Считаете ли вы достоверной новость о смерти бедного Бакунина? [4]

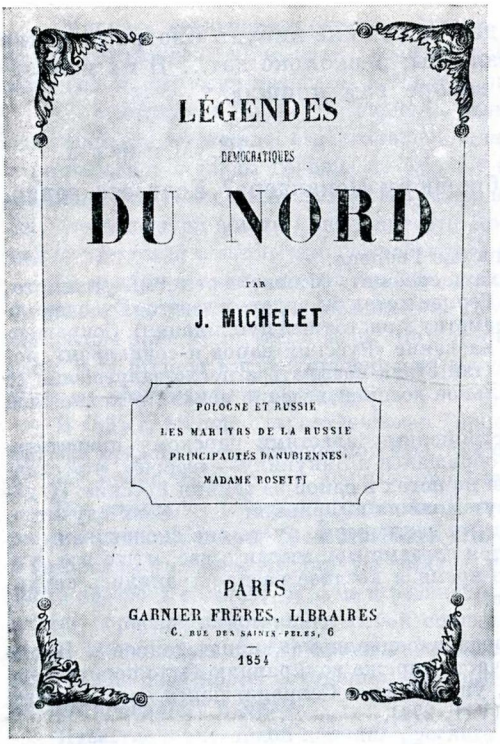
Вашей критики я еще не получил; я тотчас же передам ее в «Evénement». Существуют ли какие-нибудь портреты Пестеля и Рылеева? Я поместил бы их в своей молельне. А Бакунин, рисовали ли его? [5]

Жму вам руку, и от души.

Ж. М.

Я занимаюсь также и Дунаем, и пропагандой, которую ведет там русское правительство [6].

[1] 2 апреля 1842 г. Николаем I был подписан указ «об обязанных крестьянах», по которому помещики могли отпускать крепостных на волю, заключая с ними договоры о предоставлении им земельных участков «в пользование за условленные повинности» (см. скептический отзыв Герцена об этом указе в его дневнике 1842 г.— II, 209). Мишле имеет здесь в виду и другие попытки русского самодержца несколько смягчить взаимоотношения помещиков и крепостных — например, его речь при приеме депутации от смоленского дворянства (1847) и обращение к дворянству петербургскому (1848). См.: М. Полиевктов. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 312—320.



ЖЮЛЬ МИШЛЕ. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРА
Париж, 1854
Обложка

В этой книге Мишле характеризует Герцена как «величайшего патриота», чье перо обладает «героической мощью»

[2] В 1846 г. в ответ на попытку восстания в Галиции австрийские власти устроили там массовую резню.

[3] Труд И. Г. Шницлера (1847) «Etudes sur l'empire des tzars.— Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825» (t. I—II) Герцен охарактеризовал как «холодные компиляции, не свободные от официального влияния» (VI, 195). Следующий том вышел в свет в 1850 г.

[4] «Немецкие газеты заговорили о его смерти „от последствий *водянки*". Неужели это правда? Бедный Бакунин!» — в свою очередь писал Герцен Мишле (XXIV, 207). Слух о смерти Бакунина оказался недостоверным.

[5] 7 ноября Герцен обещал Мишле постараться достать для него «портреты наших мучеников», хотя «не так-то легко получить их из Москвы» (XXIV, 204).

[6] В это время Мишле работал над своей «Легендой о Дунае» (начата 26 октября).

3

〈Париж.〉 3 ноября 1851 г.

Каждое ваше слово, милостивый государь, это *дело*. И последним из них я тронут был до слез [1].

Нет, вы не погибнете [2]. Мы спасемся все вместе. Франция 52-го года вскоре воскреснет, мир будет еще жить [3].

Вы, бесспорно, в известном смысле,— авангард рода человеческого [4]. Да убережет меня бог от спора с теми, кто занимает сей почетный пост!

Я не дожидался ваших замечаний, чтоб изменить то, что сказано было мною о русской литературе [5].

Что же до всего остального, то свои сомнения я изложу вам в конце нового издания легенды, которую вскоре вам преподнесу [6].

Я сейчас же зайду к Франку [7], чтобы договориться с ним насчет экземпляров, которые он отправит в газеты. Сделаю так, чтобы все (по крайней мере все наши) поместили отрывок или же рецензии.

Обращаюсь к вам, дорогой Герцен, и с *просьбой насчет подробностей о Бакунине* [8] (лишь самое существенное, я же изложу это по-своему), а также о *вопросе, касающемся освобождения*, если у вас есть какие-либо факты, освещающие взаимоотношения царя и помещиков. Возможно скорее, прошу вас.

Сердечно жму вам руку.

Ж. М.

Не могу достаточно выразить, как я люблю вашу новую книгу и восхищаюсь ею.

[1] Отклик на неизвестное письмо Герцена, к которому была приложена его брошюра «Le peuple russe et le socialisme».

[2] В конце своей брошюры, говоря о погибающем в сыром каземате у ледяных вод Ладожского озера М. А. Бакунине, Герцен предсказывал: «И мы так же погибнем на полпути, как и он» — и добавлял: «Но тогда вашим строгим и величавым голосом скажите еще раз нашим детям, что за ними остается долг...» (VII, 339).

[3] В 1852 г. истекали полномочия французского Национального собрания и президента республики. Это поддерживало надежды на возможность ослабления реакционного режима во Франции.

[4] Объяснение этих слов — в ответном письме от 7 ноября, где Герцен писал: «Я еще сохранил веру в 1852 год, и если в конце своего письма упомянул о нашей гибели, то имел в виду лишь

нас, русских». В том же письме он отмечал, что русские находятся «в авангарде арьергарда» (XXIV, 204).

[5] Во второй главке «Легенды о Костюшке» Мишле писал: «Нам дела нет до того, что несколько талантливых людей, упражняясь на якобы ученом русском языке, позабавило Европу бледным представлением о пресловутой русской литературе. Вся эта литература, кроме нескольких редких благородных усилий, вскоре же задушенных,— не что иное, как результат подражания».

[6] Книга Мишле «Pologne et Russie.— Légende de Kosciuszko» вышла 26 ноября (с датой: 1852). В нее включен только «Костюшко». Специального обращения к Герцену там нет. «Вторым изданием» Мишле называют это издание в отличие от первоначальной, *газетной* публикации.

[7] Альбер *Франк* — парижский книготорговец, комиссионер ряда изданий Герцена.

[8] По настоятельной просьбе Мишле Герцен прислал ему специально написанную для него статью «Michel Bakounine», начинавшуюся так: «...я глубоко тронут честью, какую вы мне оказываете, обращаясь ко мне и предоставляя мне возможность поговорить об этом герое, с которым я был очень близок. Пусть эти наспех сделанные заметки помогут вам создать ему мученический венец! — он достоин, милостивый государь, венца, сплетенного вашими руками» (VII, 351).

4

〈Париж.〉 7 ноября 1851 г.

Недавно я послал вам благодарность за это произведение, восхищающее своей силой и жизнью [1]; благодарность свою я выражу публично в конце нового издания своей «Легенды о мучениках России», изложив вам при этом свои сомнения по некоторым пунктам [2].

Дошло ли до вас мое письмо?

Сразу же после того, как оно было мною написано, я побывал у г. Франка, чтобы переговорить с ним относительно газет. Он сказал мне, что ждет ваших распоряжений насчет раздачи им экземпляров.

Рукопись я получил и вскоре предложу ее ежедневным газетам (что будет намного лучше); если у них не окажется места, то подумаем о журналах.

Ради бога, пришлите мне Бакунина: я занят печатанием, и меня торопят.

Сердечно жму вам руку.

Ж. Мишле

[1] Вероятно, письмо Мишле от 3 ноября с откликом на получение статьи «Michel Bakounine».

[2] См. прим. 4 к следующему письму.

5

〈Париж.〉 17 ноября 1851 г.[1]

Дорогой господин Герцен,

Интересную рукопись и три брошюры [2] я получил и настойчиво рекомендовал их в «Evénement», в «National» и в «République» — не газетам вообще, а моим друзьям, там сотрудничающим. «Evénement», надеюсь, полностью опубликует десять последних страниц.

Мой издатель [3], по несчастию, чрезвычайно медлительный, вскоре выпустит в свет новое издание моих «Мучеников России». К ним я прибавлю эпилог, в котором поблагодарю вас за ваше восхитительное письмо, изложив вам одновременно свои сомнения насчет отдельных пунктов [4].

Мне особенно хотелось бы поместить именно в «National», одно за другим, то, что вы мне прислали, но *подпись там необходима*. Должны ли мы поставить ваше имя или же имя того молодого человека (весьма достойного), о котором я говорил вам? [5] Он устранил бы некоторые мелкие небрежности языка, прибавил бы кое-какие сведения, которыми мы здесь располагаем, и *настойчиво занимался бы делом, связанным с ее помещением*.

Вам трудно будет и поверить, насколько это последнее необходимо. Раз десять наведаешься в газеты; тебе десять раз пообещают, а сделать ничего не сделают.

Ответьте же мне возможно скорее насчет этого пункта. *Без подписи* мы ничего не можем сделать [6].

Сердечно жму вам руку.

Ж. Мишле

Попытаюсь заставить «Presse» повторить несколько слов из «Evénement» [7]. Как только Франк получит экземпляры, я возьму их для «Siècle», «Semaine», «Liberté de Penser», «Nouvelle Revue» Теофиля Готье.

[1] Посылая это письмо, Мишле еще не знал о страшном несчастье, постигшем Герцена в ночь с 16 на 17 ноября,— гибели при кораблекрушении его матери и сына. На это письмо ответило по просьбе Герцена неустановленное лицо с инициалами (латинскими) *А. Н.*, ошибочно расшифрованными публикаторами как Э. Гауг (XXIV, 392—393). Сам Герцен откликнулся на письмо Мишле только 30 ноября (XXIV, 210—211).

[2] Вероятно, рукопись Энгельсона «Петрашевский», о получении которой Мишле упоминает в предыдущем письме, и три экземпляра брошюры Герцена «Le peuple russe et le socialisme».

[3] По-видимому, один из братьев Гарнье, владельцев издательской фирмы «Garnier-frères»,— Огюст (1812—?) или Ипполит (1816—?). В их издании вышла книга Мишле «Légendes démocratiques du Nord».

[4] Своего намерения Мишле не выполнил, вероятно огорчив этим Герцена, с нетерпением ожидавшего эпилога. В предисловии к изданию 1863 г. Мишле упоминает о том, что ему давно уже снова хотелось поговорить о Польше и России, но что его смущали «Колокол» и «любимые имена русских мучеников», «очаровательный ум Герцена, возвышенность его чувств, героизм Бакунина». Он завершал предисловие словами: «Да умрет *бессердечная* империя! но не русская нация, ибо благодаря ей будет жить Россия».

[5] В письме от 11 ноября Мишле просил Герцена поручить его знакомому Л. Ноэлю, остро нуждающемуся в заработке, наблюдение за публикацией его статей в парижской печати и составление к ним пояснений (*Л* VI, 687—688).

[6] По закону, принятому во Франции в 1850 г., все статьи в ежедневных газетах должны были подписываться полными именами авторов.

[7] Вероятно, этот план был сорван переворотом 2 декабря.

6

〈Париж.〉 20 ноября 1851 г.[1]

Дорогой господин Герцен,

Никогда я не смогу в достаточной мере отблагодарить госпожу Герцен за подарок, который ей угодно было мне сделать... Я принял его с живым волнением признательности как бесценный залог братства [2].

В «Evénement» (который я вам вчера отправил) [3] напечатаны прекрасные слова о Бакунине. Лучше всего письмо отдать в «National».

К тому же есть очень важная вещь, которую надобно принять во внимание: это что хотя «Evénement» и имеет большое распространение (печатается в 14 000 экземпляров), но продается только в Париже. «National» же продается *во Франции*.

Дабы обеспечить помещение заметки в «National», не сделать ли нам допущение, что по прочтении в этой газете небольшого надгробного слова о Бакунине [4] вы выразили сожаление насчет полного отсутствия подробностей о его жизни и что вы посылаете эти биографические подробности *главному редактору*. Это облегчило бы продвижение дела.

Все это, подобным образом представленное, и *письмо*, *дополненное* г. Леоном Ноэлем (под моим наблюдением) по делу С. Роша с поляками и под конец несколько подправленное в отношении отдельных незначительных языковых подробностей, даст, надеюсь, как я уже говорил вам, возможность извлечь из этого сколько-нибудь денег для Ноэля и его семьи, буквально умирающей с голоду [5].

Должна ли статья о молодом Петрашевском также быть подписана *Искандер*? А как надобно подписать другую? [6]

Я получил три экземпляра для «National», «République», «Evénement» и вскоре возьму остальные у Франка для прочих газет.

Сердечно жму вам руку [7].

Ж. Мишле

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.

[2] Н. А. Герцен сделала специально для Мишле, по памяти, карандашный набросок лица Бакунина. Позднее, в 1855 г., Мишле писал Герцену: «В моей теперешней комнате 〈...〉 висит портрет русского; портрет этот полон трагического смысла для меня, он мне вдвойне дорог — это черты нашего Бакунина, набросанные умирающей рукой вашей жены. Я часто не могу оторвать глаз от него и думаю, и думаю, такое множество чувств возбуждает он, такое море мыслей...» (XII, 289).

[3] Накануне, 19 ноября, в газете «Avènement du Peuple» (Мишле по привычке называет ее «Evénement») появилась сокращенная публикация «Русского народа и социализма» (см. выше).
[4] Бакунин, как известно, умер четверть века спустя.
[5] «Я буду очень признателен г. Ноэлю, если он пожелает подписать статьи своим именем. Вообще же поступайте так, как найдете нужным, и не лишайте меня своей дружбы»,— так ответил Герцен на это и аналогичные вопросы Мишле 30 ноября (XXIV, 211).
[6] О статьях, присланных Герценом Мишле, см. выше.
[7] Ответ Герцена от 30 ноября — XXIV, 210—211.

7

Париж. 16 марта 1852 г.

Дорогой господин Герцен,

Вы мне говорили о столь сильно пошатнувшемся здоровье супруги. Больше ничего вы мне по этому поводу не говорили. Я преисполнен беспокойства [1]. Никогда не забуду той исключительной доброты, с которой она преподнесла мне набросок портрета нашего бессмертного Бакунина.

Я полностью погружен в 93-й год, спешу закончить мою историю [2] *до новых событий* [3]. Под впечатлением от слова, сказанного мною как-то у себя за столом в присутствии нескольких друзей по поводу вашего безмерного несчастья, в особенности же от торжественного выражения в вашем письме: «Я погиб с целым миром» [4], Прео [5] сделал рисунок. Вы, без сомнения, его получили: это *скорбь*, *владеющая миром*, *терзающая его*, *вертящая им*, держащая под пятой сей злополучный шар, который продолжает вращаться, не подвигаясь вперед [6]. Вдали либо море, либо Сибирь, *бесплодная* бесконечность, как *жестоко* говорит Гомер.

Получив воплощение, обращенный лицом к морю, этот памятник был бы, по моему мнению, поистине величествен. Будет ли он или не будет создан, примите все же этот рисунок как свидетельство живой симпатии, которую вы внушаете здесь всему, что мыслит; как залог глубокого единения между великими художниками и прославленными патриотами всех стран.

Сердечно жму вам руку.

Ж. М.

Покажите его достойным людям, литераторам, если хотите, но только не художникам... они так ревнивы! [7]

[1] Ответ на неизвестное письмо Герцена.
[2] Семитомная «Histoire de la Révolution française» Мишле выходила с 1847 по 1853 г. в Париже.
[3] Письмо написано через три с половиной месяца после бонапартистского переворота, во время непрекращающегося правительственного террора.
[4] Это письмо неизвестно.
[5] Антуан Огюст *Прео* (1809—1879) — французский скульптор и художник.
[6] Возведение памятника матери и сыну Герцена, а также воспитателю последнего И. Шпильману близ места их гибели при кораблекрушении в Йере несколько раз откладывалось и в конце концов не состоялось. 13 октября 1853 г. в ответ на просьбу Прео, переданную через Мишле, Герцен писал последнему: «Ради бога, извинитесь за меня перед г. Прео; вы не представляете себе нашего бродячего существования. Мы кочуем из страны в страну, оставляя всюду половину книг, вещей и т. д. Я сделаю все возможное, чтобы отыскать в Швейцарии рисунок Прео» (XXV, 122). Возможно, что этот эскиз был возвращен автору, который собирался соорудить что-то подобное этому памятнику (см. XXV, 128).
[7] Ответное письмо Герцена неизвестно.

8

Париж, rue de l'Ouest, № 44
30 июля 1855 г.[1]

То, что я предвидел, случилось, дорогой господин Герцен, моя дочь недавно умерла [2].

Я же все более привязываюсь к тому, что не умирает. Письмо ваше — сильное живительное средство, которое при необходимости могло бы и воскрешать. Восхищаюсь вашей несокрушимой мощью. Особенно понятна мне надежда, возбуждаемая в вас результатами последнего года [3].

Ваш книготорговец должен был получить одиннадцать или двенадцать экземпляров «Реформации». Благоволите написать ему, прошу вас, как должно их распределить [4].

Из этой книги вы увидите, что я благожелательно трактую протестантскую революцию XVI столетия: какой бы бессильной она себя с той поры ни показала, в те времена она была бесконечно полезной. Научный и рациональный элемент Возрождения (воплощенный в Колумбе, Копернике, Рабле, Галилее и пр.) явился в достаточно *целостной* форме, чтоб организовать сопротивление. Без Женевы иезуиты вновь захватили бы мир на целое столетие или на еще более продолжительное время.

Братски жму вам руку и с нетерпением жду «Звезды», если у вас есть возможность переслать мне второй номер [5].

Тысяча предварительных благодарностей за то, что вы соблаговолите сделать для «Реформации».

Ж. Мишле

[1] Ответ на письмо Герцена от 8—9 июля (XXV, 275—280). Публикуемое письмо по недосмотру не отражено в *ЛЖГ* II, 249.

[2] Дочь Мишле, жена профессора Э. С. Дюмениля (см. упоминание о ней выше, в «Переписке с К. Фогтом», и XXV, 295).

[3] Сообщая Мишле о предстоящем выходе первой книжки «Полярной звезды», Герцен писал: «Последний год был для меня необыкновенно важен ‹...› Только теперь у меня появились ощутимые доказательства того, что я не напрасно пожертвовал всей своей жизнью с 16-летнего возраста; пройдя через ряд несчастий, закалившись в горниле самого разрушительного скептицизма, я, наконец, встречаю надежду» (XXV, 278).

[4] Второй том «Истории XVI века» Мишле, о предстоящем выходе которого он известил Герцена 23 января (см. XXV, 457; «Revue», 1907, № 11, p. 312—313), имел подзаголовок «Réforme» («Реформация»). Герцен собирался поместить перевод нескольких страниц из этой книги во второй книжке своего альманаха (см. XII, 286), но это намерение им реализовано не было.

[5] Вторая книжка «Полярной звезды» вышла только в мае 1856 г.

9

‹Париж.› 10 января 1857 г.

Дорогой господин Герцен,

Это превосходно. И ваша душа, исполненная очарования, искрится тут в каждой строке [1]. Полагаю, однако, что изменения *здесь* [2] все же были бы нужны. Мы чрезмерно строги. Духовенство добивается преследований «Revue de Paris» за какой-то невинный роман [3]. Это вызвано тем, что это жалкое духовенство, имевшее свои собственные процессики о *содомии*, об ассигнациях, старается показать, что и *мы* — отпетые негодяи. И оно подталкивает правительство, и так уже враждебно относящееся к прессе.

Полагаю тем не менее, что с двумя или тремя небольшими сокращениями мы могли бы перепечатать эту восхитительную статью. Я буду действовать, если вы на это согласитесь.

Богородица, т. е. материнство *без установленного отца*, имеет много нравственных и гражданских неудобств. Оно в немалой степени способствовало тому, что у нас возникло *бессовестное* общество, в котором мы живем, где каждый старается играть роль *святого духа* в доме своего лучшего друга [4]. Это наводит ужас.

Семья на алтаре [5], но *отец — не отец*, *мать — не мать*, поскольку она остается девственницей, а *сын-то*, наконец, чей?..[6]

С нежностью жму вам руку, тысяча пожеланий и на этот год, и навсегда.

Ж. Мишле

[1] Мишле говорит здесь о посланном ему Герценом номере «Courrier de l'Europe» (Лондон) с авторским переводом на французский язык главы XXIV «Былого и дум» (см. VIII, 409—416, 481—482).

[2] Вероятно, в своем не дошедшем до нас письме Герцен выразил желание напечатать ее в каком-нибудь легальном французском издании; *здесь* — т. е. в бонапартистской Франции.

[3] «Госпожа Бовари» Флобера:— О цензурной политике наполеоновского правительства можно судить и по ожесточенному судебному преследованию в 1857 г.«Цветов зла» Бодлера.

[4] Намек на «адюльтерный» характер роли «святого духа» (по евангельскому мифу) в его сближении с «богородицей» Марией.

[5] В главе «Былого и дум», о которой идет речь, Герцен защищал матерей, рождающих вне брака, и отмечал при этом, что «богородица», «дева-родильница совсем не идет в холостую религию христианства. С нею невольно врывается жизнь, любовь, кротость — в вечные похороны, в страшный суд и в другие ужасы церковной теодицеи ‹...› Естественными родами мстит она за неестественное зачатие и вырывает благословение своему *чреву* из уст монашеских, проклинающих все телесное» (VIII, 386—387). Эту мысль развивает в своем письме и Мишле.

[6] Ср. аналогичную по форме реплику Мишле в «Легенде о Костюшке» (применительно к крепостнической России): «Семья — не семья. Женщина принадлежит мужу? Нет, прежде всего помещику. От кого же ребенок? Кто знает?» (Jules M i c h e l e t. Légendes démocratiques du Nord. P., 1968, p. 34).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ж. Мишле — А. А. Герцену

Перевод с французского:

‹Париж.› Суббота, 4 марта 1871 г.

Дорогой господин Герцен,

если б не эта лихорадка, то я сам отнес бы вам эти важные бумаги [1]. Дайте о них *расписку* подателю, чтоб я мог увериться в его пунктуальности.

Действительно, они составляют *нечто целое*, особенно за 1851—1852 гг.; делить их не следует.

Ими полностью оправдывается моя страсть к вашему отцу и к Мицкевичу. Русско-поляк и польско-русский — это уже союз великого племени.

Боже, как я любил их! И какой это идеал для будущего!

Это привело мне на память множество разных вещей. Мне очень хотелось бы в Пизе, куда я еду, вновь приняться за чтение трудов о России. Не знаете ли вы кого-нибудь, кто хоть немножко занимается этими вопросами?

Мы горячо приветствуем вас и вашу супругу [2].

Ж. М и ш л е

[1] Без сомнения, речь идет здесь о письмах Герцена к Мишле, возвращенных адресатом сыну Герцена. Они вошли в 30-томное собрание сочинений Герцена.

[2] Жена А. А. Герцена — *Терезина*.

ГЕРЦЕН — А. ДЕВИЛЮ

Публикация Л. Р. Л а н с к о г о

Амедей * *Девиль* (1820—1879) — участник революции 1848—1849 гг., революционный эмигрант, профессор медицины, домашний врач и друг Герцена и Огарева. Девиль был очень привязан к Герцену и его семье. Не исключено, что сын Герцена Саша своим выбором профессии естествоиспытателя и медика был в известной мере обязан влиянию Девиля, дававшего ему уроки анатомии: Девиль горячо советовал своему «молодому другу» переселиться в Россию в качестве профессора «естественных наук» (XXVII, 7).

В годы эмиграции у Девиля иногда проявлялись воинственно-шовинистические тенденции, сильно раздражавшие Герцена. Как медика Герцен ценил Девиля чрезвычайно высоко.

О Девиле и его отношениях с Герценом подробно рассказывается в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (М., 1959). См. также: «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français», publié sous la direction de Jean Maitron, v. II. P., s. a., p. 83.

Письма Герцена печатаются по ксерокопиям с автографов Direction des Archives de France (Париж). Впервые опубликованы в сокращенном переводе Л. Р. Ланским в «Вопросах литературы» (1966, № 3, с. 191—192). На языке оригинала, без ссылки на русскую публикацию, опубликованы Э. Зильбернером в «International Review of Social History», v. XVII, 1972, part 3, p. 705—711. Письма Огарева воспроизводятся по печатному тексту этого издания (p. 712—713) и хранятся в том же архиве. Ср. *Л* XXI, 563.

* В 30-томном Собрании сочинений Герцена и других изданиях Девиль, по-видимому, ошибочно назван *Францем*. Уточнение см.: «International Review of Social History», v. XVII, 1972, part 3, p. 705.